

ТАМОЖЕННАЯ ОЦЕНКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УЗБЕКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ибрагимов Хумойин

Магистр

Ташкентского государственного
юридического университета

АННОТАЦИЯ

В представленной статье исследуются ключевые правовые и институциональные проблемы, возникающие в системе таможенной оценки товаров в Республике Узбекистан, в контексте её формального сближения с положениями Соглашения Всемирной торговой организации по таможенной оценке (Соглашение ВТО по таможенной оценке) и стандартами ЕАЭС. Автор проводит комплексный анализ положений статей 301–321 Таможенного кодекса Республики Узбекистан, с акцентом на статью 319, а также норм подзаконного регулирования (Постановление Кабинета Министров № 160 от 4 апреля 2022 года), выявляя расхождения между декларируемыми принципами и фактической административной практикой.

Особое внимание уделено отсутствию в национальном законодательстве ряда базовых правовых гарантий, включая презумпцию достоверности заявленной стоимости, формализованный перечень допустимых доказательств, обязательность мотивированного отказа при переходе к альтернативным методам оценки, а также институт предварительного стоимостного решения. Автор подчёркивает, что указанные пробелы снижают уровень правовой определённости, подрывают принцип предсказуемости в регулировании внешнеэкономической деятельности и противоречат международным обязательствам Узбекистана в рамках интеграционных процессов с ВТО и ЕАЭС.

На основе анализа нормативных актов, практики правоприменения и международных стандартов сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в целях институциональной гармонизации, снижения административных барьеров и укрепления правовых гарантий участников ВЭД.

Ключевые слова: *таможенная стоимость, Соглашение ВТО по таможенной оценке, Таможенный кодекс Узбекистана, трансакционная*

стоимость, альтернативные методы оценки, презумпция добросовестности, предварительное стоимостное решение, административная дискреция.

CUSTOMS VALUATION IN UZBEKISTAN'S LEGISLATION: ISSUES, INTERNATIONAL PRACTICE, AND REFORM PERSPECTIVES

Ibragimov Khumoyin,

Postgraduate student of the Tashkent State University of Law

ABSTRACT

This article examines the key legal and institutional shortcomings in the system of customs valuation of goods in the Republic of Uzbekistan, particularly in the context of its formal alignment with the provisions of the WTO Customs Valuation Agreement (CVA) and the standards of the Eurasian Economic Union (EAEU). The author conducts a detailed legal analysis of Articles 301–321 of the Customs Code of Uzbekistan, with a focus on Article 319, as well as relevant secondary legislation (notably Cabinet Resolution No. 160 of April 4, 2022), identifying the gaps between the declared principles and actual administrative practice.

Special attention is given to the absence of critical legal safeguards in the national legal framework, including the presumption of accuracy of the declared transaction value, a formalized list of acceptable supporting evidence, the obligation to issue reasoned decisions when rejecting the declared value, and the lack of a mechanism for advance valuation rulings. The article highlights that these deficiencies reduce legal certainty, undermine the principle of predictability in foreign trade regulation, and contradict Uzbekistan's international commitments under the WTO accession process and integration with the EAEU.

Based on the analysis of legislation, enforcement practices, and international standards, the author proposes legal reforms aimed at institutional harmonization, the reduction of administrative discretion, and the strengthening of the legal guarantees of economic operators.

Keywords: *customs valuation, WTO Customs Valuation Agreement, Uzbekistan Customs Code, transaction value, alternative valuation methods, presumption of good faith, advance valuation ruling, administrative discretion.*

Актуальность темы статьи обусловлена приоритетным характером рассматриваемой проблемы в современном таможенном праве, находящейся на пересечении международного торгового регулирования и национального правоприменения. В условиях активного реформирования таможенной системы

Республики Узбекистан и стремления к полноценной интеграции в глобальные торгово-экономические процессы особую значимость приобретает вопрос соответствия национального законодательства нормам Всемирной торговой организации (ВТО).

Таможенное законодательство Узбекистана в сфере оценки стоимости товаров при их ввозе и вывозе включает в себя как нормы основного кодифицированного акта виде Таможенного кодекса Республики Узбекистан, так и ряд подзаконных нормативных документов, регулирующих порядок применения методов оценки и действий таможенных органов в случае сомнений относительно достоверности заявленных данных. Основной из них Положение о порядке определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Республики Узбекистан, утверждённое Постановлением Кабинета Министров № 160 от 6 апреля 2022 года.

После начала масштабной институциональной реформы в 2017 году, направленной на либерализацию внешнеэкономической деятельности и улучшение инвестиционного климата, таможенная система Узбекистана была формально переориентирована на унификацию с международными стандартами, включая обязательства по Соглашению ВТО по таможенной оценке. Были реализованы меры по модернизации таможенной инфраструктуры, введению электронного документооборота, созданию процедур «одного окна» и усилению контроля через автоматизированные системы¹.

Однако, несмотря на провозглашённые цели **по снижению административных барьеров и усилению предсказуемости**, практика применения положений о таможенной стоимости по-прежнему сохраняет элементы, характерные для прежней централизованной модели, особенно в вопросах административной корректировки, обоснованности перехода к альтернативным методам и доказательной обязанности декларанта².

Ключевым нормативным основанием являются статьи 301-321 Таможенного кодекса Республики Узбекистан, которая закрепляет общие принципы определения таможенной стоимости. Данная норма подтверждает приоритет метода транзакционной стоимости, при этом предусматривает возможность использования шести альтернативных методов оценки, идентичных тем, что закреплены в Соглашении по таможенной оценке ВТО. В то же время, несмотря на декларативное провозглашение соответствия

¹ Юлий Юсупов. Таможенную реформу необходимо довести до конца. – 2024. – См.: <https://anhor.uz/economy/finish-2/>

² Таможенный кодекс Республики Узбекистан. – См.: <https://lex.uz/docs/2876352>

международным стандартам, практика применения положений статьи 319 демонстрирует устойчивое расхождение между нормой и её исполнением. В частности, положения статьи нередко интерпретируются таможенными органами в сторону расширения их дискреционных полномочий при переходе к альтернативным методам оценки, что снижает юридическую предсказуемость и ослабляет презумпцию добросовестности декларанта³.

Анализ статей 301-321 Таможенного кодекса Республики Узбекистан показывает ряд ключевых особенностей, определяющих её интерпретацию и практическое применение в условиях продолжающихся реформ:

Во-первых, часть 1 статьи 319 закрепляет приоритет транзакционной стоимости как основного метода определения таможенной стоимости, что соответствует положениям статьи 1 Соглашения по таможенной оценке ВТО. Однако на практике выявляется существенная проблема: законодательство не содержит чётко определённого перечня или минимальных критериев «достаточных подтверждающих документов». Это позволяет таможенным органам вольно трактовать уровень доказательств, необходимых для признания стоимости сделки, и нередко приводит к необоснованному переходу к резервным методам.

Например, как указывается в аналитическом отчёте Центра экономических исследований и реформ на 2023 год, отсутствие формализованных процедур оценки достоверности сделки создаёт предпосылки для субъективного администрирования и увеличивает риски дискреции со стороны инспекторов. В условиях правовой неопределённости участники ВЭД сталкиваются с необходимостью заранее учитывать возможные требования, не установленные в нормативных документах, что снижает уровень предсказуемости системы⁴.

Во-вторых, в части 5 статьи 319 установлена обязанность декларанта подтвердить все условия сделки, включая факт оплаты. Однако закон не конкретизирует формы допустимых подтверждений, что на практике приводит к ограничительной интерпретации: сотрудники таможенных органов зачастую признают только банковские документы, оформленные через систему SWIFT, как достаточное подтверждение. Такая практика противоречит принципам Соглашения ВТО по таможенной оценке, в котором допускается широкий спектр доказательств, включая коммерческие инвойсы, копии контрактов, платёжные поручения, бухгалтерские записи и даже переписку между сторонами сделки. Подобная ограничительная практика снижает гибкость

³ Таможенный кодекс Республики Узбекистан. – См.: <https://lex.uz/docs/2876352>

⁴ Макроэкономический анализ Центра экономических исследований и реформ по итогам 2023 года. – См.: <https://review.uz/post/iqtisodiy-tadqiqotlar-va-islohotlar-markazining-2023-yil-yakunlari-boyicha-makroiqtisodiy-tahlili>

процедур оценки и может привести к отказу в признании стоимости сделки без объективных оснований, особенно в случаях альтернативных форм расчёта (например, аккредитив, бартер, рассрочка), распространённых в международной торговле. Таким образом, необходимым представляется нормативное уточнение перечня допустимых доказательств, исходя из международных рекомендаций и практики государств-членов ВТО.

В-третьих, на практике участник ВЭД часто не знает, как он может защитить себя, если не согласен с пересчитанной стоимостью. В статье 319 Таможенного кодекса и в Положении №160 (о контроле таможенной стоимости) не сказано прямо, что участник ВЭД имеет право оспорить такое решение в суде или в вышестоящем органе. Да, в общем порядке такое право у бизнеса есть, но если не указать это явно в тематических актах, то оно может игнорироваться на практике. Такая правовая конструкция существенно снижает уровень защиты прав участников ВЭД и противоречит принципам предсказуемости и справедливости в соответствии с международными стандартами.

Наконец, статья 319 Таможенного кодекса Республики Узбекистан не предусматривает механизма предварительных стоимостных решений, что существенно снижает степень правовой определённости для участников внешнеэкономической деятельности. Отсутствие такого механизма означает, что декларанты лишены возможности заранее получить официальную правовую позицию таможенного органа по применимому методу оценки до ввоза товара. Это создаёт неопределённость в вопросах планирования и расчёта издержек, увеличивает риск административных споров и может привести к задержкам в оформлении. Между тем практика стран ЕАЭС и рекомендации ВТО подчёркивают важность предварительных решений как инструмента, способствующего снижению конфликтности и укреплению доверия между бизнесом и государством. В условиях институционального реформирования Узбекистана введение такого механизма могло бы стать значительным шагом на пути гармонизации с международными стандартами и снижению правовой нагрузки на суды и апелляционные органы⁵.

Несмотря на декларативное следование международным стандартам, положения статей 301-321 требуют нормативного переосмысления и детального уточнения. Это необходимо для обеспечения соответствия современным требованиям **предсказуемости, юридической определённости и**

⁵ World Trade Organization. Agreement on Implementation of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. — 1994. — См.: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/20-val.pdf

защиты прав участников внешнеэкономической деятельности. Особую актуальность данная задача приобретает в свете курса Узбекистана на вступление во Всемирную торговую организацию и сближение с институтами Евразийского экономического союза, где закреплены более формализованные и предсказуемые процедуры. Устранение правовых лакун в статье 319, включая отсутствие презумпции добросовестности, недостаточную регламентацию доказательственной базы и механизмов предварительного консультирования, представляет собой приоритетное направление правовой реформы в сфере таможенного администрирования.

В части 1 статьи 319 Таможенного кодекса Республики Узбекистан закрепляется приоритет транзакционной стоимости как основного метода определения таможенной стоимости, что формально соответствует статье 1 Соглашения ВТО по таможенной оценке. Однако в том же положении предусмотрена возможность перехода к другим методам оценки в случае «непредставления достаточных подтверждающих документов», при этом не конкретизируются критерии или минимальные стандарты такой «достаточности». Отсутствие чётких нормативных ориентиров влечёт за собой широкий простор для усмотрения со стороны таможенных органов, которые на практике могут отказывать в признании заявленной стоимости на основании формальных или незначительных расхождений в документации. Это создает риски необоснованного перехода к резервным методам оценки, снижает предсказуемость правоприменения и нарушает презумпцию добросовестности, закреплённую в международных стандартах.

Часть 5 устанавливает обязанность декларанта подтвердить все условия сделки (включая оплату), однако закон не конкретизирует формы допустимых подтверждений. На практике это приводит к ограничительной интерпретации со стороны таможенных органов, которые зачастую признают только банковские документы, оформленные через систему SWIFT. Такая практика исключает иные формы верификации, например, платёжные поручения, инвойсы, аккредитивы, коммерческие контракты или иные надлежащие доказательства, что противоречит международной практике и снижает гибкость процедур таможенной оценки.

Наиболее важным документом, регламентирующим порядок применения статьи 319, является Постановление Кабинета Министров № 160 от 4 апреля 2022 года «О дополнительных мерах по совершенствованию таможенного администрирования». Этот документ был принят в контексте институциональной реформы 2017 года, направленной на гармонизацию

национального законодательства с международными стандартами. Постановление устанавливает порядок документального подтверждения таможенной стоимости, определяет перечень допустимых источников информации, включая коммерческие документы, и регламентирует процедуру административной корректировки стоимости. Вместе с тем, оно сохраняет элементы прежней административной практики, включая возможность использования справочников цен, что вызывает критику со стороны правового сообщества и бизнес-ассоциаций в части соответствия обязательствам по Соглашению ВТО по таможенной оценке.

Согласно пункту 7 Постановления Кабинета Министров № 160 от 4 апреля 2022 года, в случае выявления расхождений в предоставленной информации или при отсутствии платежных документов, таможенные органы вправе приостановить выпуск товаров и начать процедуру корректировки заявленной стоимости⁶. При этом сохраняется возможность применения индикативных цен, разработанных и утверждённых Государственным таможенным комитетом, как ориентировочной базы для оценки. В числе оснований для корректировки может использоваться несоответствие представленных сведений с данными «эталонных» поставок, зафиксированных в системах ГТК, при этом условия конкретной сделки могут быть проигнорированы. Также в качестве подтверждающих документов принимаются исключительно безналичные формы расчётов, оформленные через банки, в частности SWIFT-платежи, что исключает альтернативные способы расчётов, такие как аккредитивы, взаимозачёты или иные формы договорных обязательств.

Такие нормы, несмотря на заявленную цель упрощения и гармонизации процедур, фактически ограничивают применение принципа транзакционной стоимости и формируют презумпцию недостоверности заявленных сведений, что не соответствует положениям статьи 1 и 17 Соглашение ВТО по таможенной оценке:

- **допускается использование справочников индикативных цен**, которые ведутся Государственным таможенным комитетом и регулярно обновляются;

- **решение о корректировке** может быть принято на основании несоответствия с данными «эталонных» поставок, без учёта условий конкретной сделки;

⁶ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 160 от 06.04.2022 г. «Об утверждении Положения о порядке определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Республики Узбекистан». – См.: <https://lex.uz/uz/docs/5941964>

- в качестве доказательства добросовестности сделки не принимаются иные формы оплаты, кроме безналичных банковских переводов.

Эти положения на практике подрывают реализацию принципа транзакционной стоимости, поскольку вводят механизмы, при которых сделки, отличающиеся от индикативных или «эталонных» значений, автоматически считаются подозрительными. В условиях отсутствия института обоснованного сомнения и презумпции достоверности, декларант вынужден доказывать подлинность любой нестандартной сделки, даже при наличии контрактов и инвойсов. Это ведёт к формированию презумпции недостоверности и де-факто нарушает положения статей 1 и 17 Соглашения по таможенной оценке ВТО, устанавливающих приоритет транзакционной стоимости и ограниченность вмешательства таможи объективными доказательствами.

И так, в действующем национальном законодательстве Узбекистана сохраняется следующий ряд правовых и институциональных пробелов в сфере таможенной оценки товаров, которые препятствуют полной гармонизации с нормами Соглашения ВТО по таможенной оценке и создают риски для участников внешнеэкономической деятельности:

Первый, не закреплена презумпция достоверности заявленной стоимости, как это предусмотрено статьей 1 и Приложением III Соглашения ВТО по таможенной оценке. В законодательстве отсутствует норма, устанавливающая, что цена сделки принимается в качестве таможенной стоимости, если иное не будет доказано. На практике таможенные органы исходят из презумпции недостоверности стоимости, что противоречит принципу добросовестности и правовой определенности.

Второй, отсутствует обязанность предоставления мотивированного уведомления в случае отказа в признании заявленной стоимости. Ни статья 319 Таможенного кодекса, ни Положение №160 не обязывают таможенный орган в письменной форме объяснить причины отклонения стоимости и перехода к альтернативным методам. Это нарушает пункт 6 Приложения III CVA и создает ситуацию правовой непрозрачности.

Третий, практически допускается использование индикативных и усреднённых цен, имеющих в распоряжении таможенных органов, без официальной фиксации невозможности применения метода 1 (цены сделки). Это противоречит статье 7 Соглашения ВТО по таможенной оценке, где прямо запрещается применять произвольные или фиктивные базы для оценки.

Четвертый, не закреплён на практике механизм условного выпуска товаров в случае спора по стоимости. Хотя статья 321 Таможенного кодекса

формально предусматривает выпуск под обеспечение, он касается только ситуаций, когда стоимость не может быть определена из-за отсутствия документов. В случае разногласий между таможенной и декларантом механизм условного выпуска не применяется, что противоречит пункту 2 Приложения III Соглашения ВТО по таможенной оценке.

Пятый, механизм обжалования решений о корректировке стоимости не детализирован и не закреплён как специальная гарантия. Отсутствует прямая норма о праве на досудебное административное и судебное обжалование решений о переоценке. Также отсутствуют сроки рассмотрения жалобы, форма подачи и обязанность таможенного органа мотивировать ответ. Это нарушает обязательства по пункту 6 Приложения III Соглашения ВТО по таможенной оценке.

Шестой, не предусмотрена возможность представления декларантом альтернативных доказательств достоверности стоимости, таких как договоры, счета-фактуры, платёжные документы, бухгалтерские и транспортные документы, переписка сторон и иные коммерчески обоснованные материалы. Это противоречит как международной практике, так и принципу добросовестного взаимодействия, закреплённому в CVA.

Седьмой, в законодательстве отсутствует институт предварительного стоимостного решения, позволяющего участнику ВЭД получить официальное заключение о методе оценки до ввоза товара. Такой механизм успешно применяется в странах ЕАЭС (ст. 46 ТК ЕАЭС), Европейского союза и Китая и рекомендован ВТО как инструмент предупреждения споров, укрепления предсказуемости.

Восьмой, термин «обоснованное сомнение» хоть и упоминается в подзаконных актах, но не имеет легального определения и чётких правовых критериев. Не установлено, какие именно обстоятельства могут считаться основанием для возникновения такого сомнения, в какой форме оно должно фиксироваться и какие юридические последствия за ним следуют. Отсутствие нормативной конкретизации создаёт значительное пространство для произвольной правоприменительной практики и ущемления прав участников ВЭД.

Анализ нормативной базы Узбекистана показывает, что, несмотря на внешнюю гармонизацию с международными нормами, существуют значительные расхождения в части процедур, презумпций и механизмов защиты прав участников ВЭД. Это требует системной и поэтапной правовой

реформы, которая должна быть основана на принципах, закреплённых в Соглашении ВТО по таможенной оценке и практике ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Таможенный кодекс Республики Узбекистан от 20 января 2016 г. № ЗРУ-400.
2. Соглашение ВТО по применению статьи VII ГАТТ (Соглашение об оценке таможенной стоимости, 1994 г.).
3. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 31 марта 2022 г. № 160 «О мерах по совершенствованию порядка определения таможенной стоимости товаров».
4. Макроэкономический анализ Центра экономических исследований и реформ по итогам 2023 года. – 2024. — Режим доступа: <https://review.uz/post/iqtisodiy-tadqiqotlar-va-islohotlar-markazining-2023-yil-yakunlari-boyicha-makroiqtisodiy-tahlili>
5. Юлий Юсупов. Таможенную реформу необходимо довести до конца. – 2024. — Режим доступа: <https://anhor.uz/economy/finish-2/>